

УДК 340.14
URL: <http://hdl.handle.net/11435/2118>

Скоробогатов А. В., Краснов А. В.
С. 161–170.

А. В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор исторических наук, доцент, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,

А. В. КРАСНОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия, г. Казань, Россия

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ: КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ

Цель: сформировать научно обоснованное знание о сущностных и содержательных сторонах современной правовой реальности России в контексте постклассической парадигмы.

Методы: методологическую основу исследования составляет синтез классических и постклассических мировоззренческих парадигм, которые определили выбор конкретных методов исследования: формально-юридического, компаративного, метода правового моделирования, герменевтического, дискурсивного.

Результаты: на основе постклассической методологии доказывается, что правовая реальность России состоит из трех уровней: правотворчество, правореализация, правовое поведение. Определяющим уровнем правовой реальности является правовое поведение, которое ориентировано на соблюдение неписанного права. Правовая реальность России характеризуется трансгрессивным состоянием современного российского общества, выражающимся в широком распространении незаконодательных (неправовых) практик, низком уровне нормативной правовой культуры, правовом нигилизме и правовом инфантилизме.

Научная новизна: в статье впервые проанализированы онтологическая и феноменологическая сущность правовой реальности России и определен ее трансгрессивный характер на современном этапе развития.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании правового развития.

Ключевые слова: правовая реальность; постклассическая парадигма; правовой опыт; правовой идеал; неписанное право; право; неправое; правовые отношения; общественные отношения.

Введение

Важным и актуальным назначением общей теории права является выявление и изучение фундаментальных юридических понятий и категорий, характеризующих сущность и содержание правового бытия общества [1]. Одной из таких категорий, относительно недавно введенных в научный оборот и пока еще недостаточно исследованных как в общетеоретическом плане, так и применительно к правовому развитию России, является *правовая реальность*.

Термин *правовая реальность* с середины XX в. используется в работах зарубежных экзистенциально-феноменологически ориентированных философов права (Дж. Кон [2], А. Кауфман [3, 4], М. Сэлтер [5], В. Хэмрик [6], Э. Фехнер [7], М. Мур [8]). Преимущественно данное понятие используется для обозначения реальности отдельных правовых явлений [9, 10]. Концептуального исследования данного понятия как категории предпринято не было.

На постсоветском пространстве данная проблема стала актуальной с середины 1990-х гг. Практически

одновременно к ней обратились философы (В. А. Бачинин [11], Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко [12], С. И. Максимов [13, 14], И. П. Малинова [15], С. Л. Слободнюк [16]) и теоретики права (А. В. Поляков [17], А. В. Стомба [18], И. Л. Честнов [19], Ю. С. Шемшученко [20]). Применение термина *правовая реальность* преимущественно осуществляется в разрезе интегративного правопонимания и призвано преодолеть односторонность позитивистских, социологических и естественно-правовых теорий путем создания целостной категории, которая собрала бы воедино и структурировала все множество правовых явлений.

Результаты исследования

Современное правовое развитие России в отличие от основанных на официальной идеологии правовой реальности Российской империи и СССР характеризуется значительным числом коллизий как в системе права, так и в правосознании граждан. Во многом это обусловлено характером конституционного правопонимания, которое носит интегральный характер и

направлено не столько на закрепление политической системы России, сколько на ее позиционирование как части западной цивилизации [21]. В основу правового регулирования легла не потребность общества, а западные правовые модели. Однако в условиях отсутствия достаточно эффективного механизма правового регулирования и широкого распространения негативного отношения к нормативизму это привело к существенному ослаблению государственной власти.

В предшествующий период формирование правовой реальности преимущественно определялось государственной деятельностью, которая поддерживалась институтами, отвечающими за идеологию (церковь в дореволюционной России и коммунистическая партия в Советском Союзе). Основной задачей государства было не просто включение индивида в правовую реальность, но и придание его действиям максимально правомерного (в нормативном смысле) характера, что обеспечивалось формированием в правовом сознании убеждения в необходимости реализации единственно правильного и возможного варианта поведения, закрепленного в нормативных правовых актах и соответствующего социальной справедливости.

В 1990-е гг. формируется совершенно новое правовое сознание, ориентированное на правовой опыт. В обыденном правосознании сформировался образ права, который не соответствует официальному. Провозглашенный государством правовой и политический плюрализм воспринимался не как его сила, а как слабость, неспособность законными средствами создать условия для достойного существования человека и реализации им своих индивидуальных и социальных потребностей. Заявленное равенство возможностей в сочетании с традиционным представлением о корреляции власти и богатства лишь усиливало негативный настрой ко всем проводимым государством мероприятиям, в том числе и в областях права, которые стали рассматриваться как средство обогащения политической элиты.

Отсутствие достаточно эффективного механизма правового регулирования привело к принятию нормативных правовых актов, которые не были реализованы на практике, поскольку не соответствовали социальным представлениям о справедливости, а государство не имело достаточно эффективного механизма для их принудительного применения. Как пытаются объяснить указанные обстоятельства некоторые представители депутатского корпуса России, в ряде законодательных актов изначально закладывался абсолютный идеализм, вызванный желанием

продемонстрировать демократические перемены в законодательстве: в итоге, появлялась «демократичная», но не работающая норма, которая не учитывала реальную ситуацию [22].

Это способствовало формированию принципиально иного правового идеала [23], в котором место должного, идеального поведения, основанного на нормативном эталоне (закрепленном в Священном Писании, моральном кодексе строителя коммунизма, Конституции и иных нормативных правовых актах), постепенно заменило сущее, ориентированное на получение материального блага «здесь и сейчас» без учета последствий и соответствия действий юридической норме. В правовой реальности широкое распространение получили проявления неправовых (а фактически незаконодательных) практик, которые стали основным средством регулирования общественных отношений и достижения бесконфликтного сосуществования. Для гражданина более важным становились представления о том, насколько его правовое поведение соответствует представлениям о «правильном», субъективно справедливом в том обществе или социальном сообществе, членом которого он является или с которым он себя самоидентифицирует, а не то, насколько эти действия соответствуют или не соответствуют закону, насколько они являются объективно справедливыми и правомерными. В обществе широко распространились проявления правового нигилизма и правового инфантилизма не только в среде «обывателей», но и среди государственных служащих, в том числе представителей правоохранительных органов. Хотя подобные практики существовали и ранее, но они являлись лишь исключением и не влияли на позитивный характер правовой реальности. Теперь же именно незаконодательные практики стали определяющим фактором. В социальной среде сформировалось крайне негативное отношение к юридическим нормам, издаваемым государством. Законы, которые не соответствовали представлениям о социальной справедливости и не были реализованы на практике в силу отсутствия эффективного механизма правового регулирования, стали восприниматься как единственный вариант государственного законодательства, как стремление власти сформировать правовое поле, выгодное и угодное лишь узкому слою политической элиты или олигархов. В правовой реальности современной России закон, изданный государством, воспринимается как «плохой», «неправильный», «несправедливый» («ибо несправедливая власть по определению не может издавать справедливых законов») и совершенно необязательно его читать, чтобы в этом

убедиться. Противопоставление закона и справедливости дополнительно подчеркивают судебные шоу и криминальные сериалы, которые убеждают граждан, что поступить «правильно» (т. е. в интересах гражданина) можно только по справедливости, а закон этого сделать не позволяет.

Разрыв правовых (определяемых законами) и так называемых фактических общественных отношений становится очевидным. Последние предопределяются целями, интересами социальных групп, индивидов и организаций, при этом факт принятия юридической нормы не есть достаточное условие для ее реализации обществом [24].

В качестве типичного примера можно привести ситуацию в российском обществе, связанную с применением смертной казни. Давно известны причины, по которым Россия не применяет данный вид уголовного наказания. Однако периодические социологические опросы населения показывают поддержку применения этого уголовного наказания¹.

Противоречия между целями и реальной мотивацией законодателей очевидны и при исследовании истории такой меры уголовного наказания, как конфискация имущества. Она была изъята из Уголовного кодекса РФ, а впоследствии возвращена в указанный кодекс только в качестве меры государственного принуждения². Очевидно, что ссылки на недемократичность нормы Конвенции ООН против коррупции, которая была подписана нашей страной 9 декабря 2003 г., а ратифицирована 8 марта 2006 г. (№ 40-ФЗ)³, устанавливающей презумпцию незаконности обогащения, а также отсут-

ствии соответствующего состава в УК РФ⁴, выглядят неубедительными – у депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ было достаточно времени, чтобы разрешить указанные проблемы.

Ослабление роли государства в правовой социализации граждан в 1990-е гг. привело к разрыву доктринального и профессионального правопонимания и обыденного понимания права. С одной стороны, гуманитарные науки занялись поиском принципиально нового типа правопонимания, который мог бы адекватно объяснить правовую систему России в контексте взаимосвязи правотворчества и правоприменения и с учетом конституционного равенства трех конкурирующих правовых доктрин: естественно-правовой, нормативистской и юридико-социологической [25]. С другой стороны, правоприменитель, пользуясь слабостью государства, стал основывать свою деятельность не только и не столько на юридической норме, сколько на удовлетворении своих собственных (зачастую корыстных) интересов. Вообще следует различать формально-юридические и фактические цели, преследуемые нормами действующего законодательства. Так, если легально целями юридической ответственности⁵ выступают предупреждение, воспитание, восстановление нарушенного состояния, то фактически мотивация правоприменителя (и иных заинтересованных и связанных с ним лиц) может быть иной: выполнение плана по раскрываемости, пополнение бюджета, получение экономической выгоды от устранения конкурентов, личная месть, устранение политических конкурентов и пр.

Традиционная черта российской правовой культуры – вертикальный перенос ответственности – также претерпела существенные изменения. Гражданин по-прежнему уверен, что при наличии субъекта, который выше его по авторитету или по положению, именно он должен решить его проблему, следовательно, можно отказаться от ее решения, возложив ответственность на указанного субъекта. Однако, если в 1990-е гг. таким субъектом выступали неформальные лидеры, то

¹ Отношение к смертной казни. Россияне о смертной казни и моратории на ее применение. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11722> (дата обращения: 20.10.2014); Нужно ли восстановить в России смертную казнь? URL: <http://pravo.ru/voting/161/> (дата обращения: 20.10.2014); Доля тех, кто считает, что мораторий на смертную казнь нужно сохранить, постепенно растет. URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/1451667> (дата обращения: 20.10.2014).

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 162-ФЗ от 08.12.2003 (ред. от 07.12.2011. № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму: Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 07.02.2011. № 3-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.

³ О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон № 40-ФЗ от 08.03.2006 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

⁴ Почему России не нужно ратифицировать 20 статью Конвенции ООН. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/745859/> (дата обращения: 31.01.2015).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 21.07.2014 № 277-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 04.11.2014. № 332-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

в 2000-е гг. это было перенесено на представителей государства. Но и в том, и в другом случае граждане уверены, что решение их вопроса невозможно осуществить без определенного материального подношения (взятки, коммерческого подкупа, «отката» и т. д.).

Ситуация несколько стала меняться в последние годы, когда государство, осознав проблемы правовой реальности, предприняло ряд мер, направленных на преодоление негативных явлений, получивших распространение в обществе. Во-первых, целенаправленный характер приобрело правовое воспитание, целью которого является формирование российской гражданской идентичности. Во-вторых, одним из ведущих направлений правовой реформы становится борьба с коррупцией, которая перестала носить характер кампанейщины. В-третьих, в СМИ стали появляться материалы, направленные на формирование позитивного образа государства, законодателей и правоприменителей. Особенно эти процессы усилились в условиях введения западных санкций и необходимости консолидации российского общества и государства вокруг единых ценностей.

Для российского правового менталитета характерно обращение к оценкам и установкам, идущим от представителей государственной власти, прежде всего, главы государства. Официальная оценка состояния правовой реальности, однако, в данный период не свободна от противоречий. С одной стороны, признается существование в обществе недопонимания права, вызванного, во-первых, незнанием Конституции РФ⁶; во-вторых, нигилистическим отношением к законам; в-третьих, низким качеством законов. Особенностью отечественного права официально признается «наличие идеалистических представлений о нем и его пределах действия, забвение прямой связи с эффективностью других социальных регуляторов» [26]. По нашему мнению, здесь имеет место смешение причин и следствий. Скажем, правовой нигилизм усиливается низким качеством законодательства, неспособностью государства его реализовать на практике. Недопонимание права (а в действительности –

законов, нормативных текстов) может выражаться не только в отсутствии уважения к идеалам правового государства, но и в принудительном навязывании обществу тех правовых моделей, которые для него не были характерны, формировались в других условиях, при другом правовом общественном менталитете, и противоречат сложившейся правовой реальности. Идеалистические представления о праве, в свою очередь, на наиболее аргументированном и доктринально обоснованном уровне выраженные в представлениях парламентариев и (или) ученых-юристов, могут выступать причиной непонимания истинной правовой реальности, и как следствие, искажения этой реальности в сознании соответствующих субъектов.

Следует полностью согласиться с точкой зрения ряда современных ученых, что правовой закон должен соответствовать общепринятому пониманию справедливости, нормам общественной морали [26]. Главная проблема при этом заключается в том, насколько глубоко правовой закон должен вдаваться в сложившееся понимание справедливости. Перед законодателем стоит сложная диалектически противоречивая задача – попытаться «подтянуть» общество к определенному идеалу, учитывая одновременно существующую практику применения права, а также правовой менталитет. Если последний отрицает предлагаемый идеал, конфликтная ситуация в обществе неизбежна, как она может быть неизбежна и при искажении этого идеала на практике, когда в нормах права провозглашается одно, а в действительности складываются совершенно иные правила поведения. Скажем, та же Конституция РФ может быть понята, не только исходя из ее духа, но и из процессов ее реализации, складывающихся механизмов взаимодействия государственных органов, фактически принимаемых политических решений [27], но и с учетом того обстоятельства, какой баланс интересов разных социальных групп в ней заложен и насколько ее идеалы способны вписаться в правовой менталитет, трансформируя его в заданном исходными конституционными нормами направлении.

Необходимо учитывать, что естественно-правовая концепция, которая положена в основу первых глав Конституции РФ, в целом достаточно давно подвергается критике со стороны сначала исторической, затем нормативистской, а также иных концепций правопонимания. Даже представители либертарно-юридической теории права критикуют ее на том основании, что она смешивает моральные и собственно правовые критерии [28].

⁶ Конституция России: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237; Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 1; Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 2; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2014).

Практика применения норм о естественных правах человека также небезупречна. Уполномоченный по правам человека в РФ Э. Памфилова признает [29], что права человека зачастую используются как средство давления на государство, соответствующие политические и правовые системы. Ссылки на права человека и нарушение базовых принципов чрезвычайно избирательны, что наводит на мысль о манипуляции сознанием. Мы считаем, одной из первопричин такой ситуации является расхождение между базовыми представлениями людей о справедливости и реальной законодательной, а особенно правоприменительной практикой. Представители экономической науки исследовали, в частности, что экономический ущерб от нарушения личных прав человека меньше, чем от преступлений против собственности, т. е. на самом деле, хотя де-юре человеческая жизнь, права человека ставятся уголовным законодательством на первое место по жесткости санкций, в стоимостном выражении они не столь опасны для общества [30].

Рассматривая правовую реальность России феноменологически [31], можно выявить еще одно отличие прежней и нынешней реальности. В дореволюционной России и Советском Союзе правовая реальность была представлена двумя уровнями: правотворчество (как совокупность действий законодателя, направленных на формирование правопорядка и режима законности и корпуса нормативных документов) и право-реализация (как совокупность действий индивидов и уполномоченных лиц по реализации нормативных установлений и комплекс документов, созданных в ходе и в результате этих действий). Право в его нормативной, законодательной форме при этом выступало интеграционной основой правовой реальности, связующим компонентом всех ее уровней и элементов. Основанность права на доктрине, в значительной степени связанной с религиозными и моральными трактовками справедливости, обуславливала не только взаимосвязь писанного права и справедливости (неписанного права), но и их взаимодополняющие роли в социальном регулировании. Устойчивость этой правовой традиции на протяжении почти тысячелетней истории России позволяет ее рассматривать как константу российской правовой реальности.

В правовой реальности современной России, наряду с указанными уровнями, присутствует также третий уровень – «правовое» поведение, т. е. поведение, которое соответствует социальным представлениям о справедливости. Для индивида совершенно не важно, насколько эти «правильные действия»

соответствуют или противоречат «плохому» законодательству. Таким образом, право перестало быть интеграционной основой правовой реальности, которая в силу разорванности права и справедливости приобрела трангрессивный, мозаичный характер. Это свидетельствует об усилении влияния в правовой реальности переменных, характер которых зависит не столько от правовой традиции, сколько от множества временных факторов, связанных с индивидуальным (выражаемым в знаниях, умениях, привычках) и индивидуальным (социальным) правовым опытом (выраженные в конкретных правовых ситуациях и их нормативном закреплении) [32].

В силу широкого распространения в обществе негативного отношения к закону гражданин воспринимает в качестве правовых (отождествляемых с законными) лишь те действия и отношения, которые изначально носят конфликтный характер: задержание полицией, обращение в суд и т. д. Собственно, вхождение в правовую реальность и увязывается рядом ученых только с конфликтом, столкновением интересов [33, 34].

В то же время действия по реализации права, которые носят неконфликтный характер, не воспринимаются в качестве правовых. Их правильность определяется не соприкосновением с законом, а ответственностью социальной справедливости (неписанному праву). Здесь субъект стремится не допустить конфликта, решить сложившиеся проблемы мирным путем, не прибегая к помощи правовых средств и властно-государственных институтов [33]. В рамках норм преступных сообществ (где, как известно, существует аналогичный в целом неписанный «закон», свод правил) участники отношений сознательно избегают участия в отношениях с государством. Это же характерно и для ряда этнических общин (к примеру, цыганские сообщества). Вышеуказанное обстоятельство подтверждает стремление субъектов следовать в своем поведении, прежде всего, неким неписанным регуляторам, выражающим социальную справедливость.

Необходимо учитывать, что, вступая в правовую реальность через юридический конфликт, субъект оценивает возможные варианты поведения с точки зрения справедливости и эффективности результатов. Если последние преобладают в структуре мотивации, то применительно к таким людям используется известный термин *беспредельщик*, что говорит о выходе за пределы естественного, неписаного, справедливого регулирования. Субъект находится перед выбором

так называемых оснований своего поведения [35]: он должен ответить себе и окружающим на вопрос о том, каким нормам он прежде всего будет привержен.

В некоторых случаях нормы позитивного права рассматриваются как некие ненужные препятствия на пути удовлетворения своих интересов [36]. Несмотря на осуждение в обществе грубых нарушений правил дорожного движения, тем не менее, непоследовательность во введении административно-правовых санкций (когда сначала принимается решение об отсутствии санкции при превышении скорости движения на 10 км/час, а потом депутаты возвращают указанную меру, но уже с большим значением штрафа), а также тенденциозная и нелогичная практика их применения, приводят к тому, что такого рода административные штрафы рассматриваются в обществе как несправедливые. В итоге они превращаются в разряд некоего «откупного», «проездного билета» для любителей быстрой езды. Периодически в СМИ проходят сообщения о рекордах по количеству набранных штрафов⁷.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что уровень «правового» поведения также получает определенную структуризацию по подуровням. Неоднородность современного российского общества, разделение его по социальным, национальным и иным критериям приводит к наличию целого спектра систем неписаных правил «правового» поведения – система правил для обывателей, система для чиновников, система в рамках преступных сообществ и пр. Нужно помнить, что целая система родовых норм, которыми руководствуются, скажем, выходцы из южных республик и мигранты, также вступает во взаимодействие с существующей правовой реальностью. В свою очередь, такие представления о должном поведении сталкиваются при взаимодействии членов разных социальных групп между собой, вызывая конфликты, а в перспективе могут привести к серьезным социальным потрясениям, так как единый критерий «правильности» поведения в виде позитивного права или официальной идеологии на данный момент отсутствует.

Имеющее место «утроение» уровней правовой реальности перекликается с проблематикой правопонимания, а также уяснением содержания категории *неправо*. Вопрос о том, к каким уровням правовой реальности должно относиться право, по-разному

решается в концепциях правопонимания. Не вдаваясь в подробное исследование соответствующих научных позиций, отметим, что на современном этапе наиболее последовательное видение разных сторон права можно обнаружить прежде всего в интегративной концепции права, пытающейся соединить, как минимум, законодательство и практику его применения. Третий же уровень правовой реальности вообще редко замечается учеными, не говоря уже о включении его в понятие права.

Ряд ученых предлагает отнести к *неправу* правовые позиции судов, индивидуально-правовые прецеденты судебного толкования и договоры, которые дополнительно регулируют отношения на основе и в пределах норм и принципов права [37]. При таком подходе даже второй уровень правовой реальности оказывается включенным в понятие *неправо*. Получается, что перечисленные явления не носят правового характера, выходят за рамки правового поля, что, как нам кажется, скорее говорит о позитивистской трактовке права. Следствием такого подхода может явиться очередное противопоставление права писаного, позитивного, не только фактическим отношениям, но и даже правовой практике. Если же в указанной работе ставится задача противопоставления нормативного и индивидуально-регулируемого, то, думается, использование термина *неправо* в данном случае представляется крайне неудачным, так как индивидуальное регулирование с помощью указанных средств основывается на нормах и принципах права, предполагает оснащенность именно юридическим инструментарием. Непонятным в таком случае остается и соотношение социального и правового регулирования.

Вопрос о соотношении правовой реальности с *неправом* является принципиальным как для юридической науки, так и для общественной и юридической практики. Включение в число критериев научности ценностных моментов, указание на то, что наука должна учитывать возможные результаты правовых реформ, состояние общества – казалось бы, факт, свидетельствующий об использовании постклассической рациональности, обновлении науки. Однако общее методологическое оснащение науки, как показывает практика анализа научных работ, зачастую остается на прежнем уровне, что вызывает противоречия в самой науке по поводу осмысления правовой реальности [38]. Чисто формально-юридический подход к конструированию правовой реальности в разрезе хотя и не признаваемой официальной, но фактически ею являющейся идеологии правового государства и

⁷ Штрафные должники бьют рекорды по количеству нарушений ПДД. URL: <http://www.chelovek-zakon.ru> (дата обращения: 10.11.2014).

гражданского общества, возобладавший в отечественной юридической науке в 1990-е гг. и сохраняющийся по настоящий момент, в качестве последствий имел предложения по реформированию главным образом законодательства и государственных структур. Такого рода реформы быстро исчерпали себя, тогда как другие компоненты правовой реальности остались незатронутым, и, как следствие, заявленные цели во многом не были достигнуты [39].

Выводы

Проведенное исследование показывает, что современная правовая реальность России характеризуется трансгрессивностью, выражающейся в широком распространении незаконодательных (неправовых) практик, низком уровне нормативной правовой культуры, правовом нигилизме и правовом инфантилизме. Бинарность российской правовой реальности выражается в невозможности однозначно выделить онтологические приоритеты. Для правового развития России постсоветского периода характерна перманентная точка бифуркации: выбор между функционированием с опорой на константы и ориентацией на развитие в контексте переменных. Стремление власти к их синтезу, особенно очевидное в условиях интеграции общества и государства вокруг единых ценностей, обусловленное западными санкциями, пока не дало очевидных результатов.

Список литературы

1. Schlag P. The Aesthetics of American Law // *Harvard Law Review*. 2002. No. 115. Pp. 1047–1116.
2. Cohn G. *Existentialism and Legal Science*. New-York: Occana publications inc., 1967. 148 p.
3. Kaufman A. *Ontologische Struktur des Rechts // Recht-philosophie im Wandel*. 1972. Pp. 104–134.
4. Kaufman A. Preliminary Remarks on a Legal Logic and Ontology of Relations // *Law, Interpretation and Reality*. 1990. Pp. 104–123.
5. Salter M. Towards a Phenomenology of Legal Thinking // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1992. Vol. 23. No. 2. Pp. 167–182.
6. Hamrick W.S. *An Existential Phenomenology of Law: Maurice Merleau-Ponty*. 1987. 246 p.
7. Fechner E. *Rechtphilosophie*. Tubingen, 1956. 382 p.
8. Moore M. S. Excerpts from Legal Reality // *Associations. Journal for Legal and Social Theory*. 2003. Vol. 7. No. 1. Pp. 145–157.
9. Calavita K. *Invitation to Law and Society: An Introduction to the Study of Real Law*. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 177 p.
10. Gordon R.W. Unfreezing Legal Reality: Critical Approaches to Law // *Florida State University Law Review*. 1987. Vol. 15. No. 2. Pp. 137–151.
11. Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // *Государство и право*. 2001. № 5. С. 14–20.
12. Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. *Основы философии права*. М.: ИНФРА-М, Весь мир, 2001. 256 с.
13. Максимов С.И. *Правовая реальность: опыт философского осмысления*. Харьков: Право, 2002. 328 с.
14. Максимов С.И. Концепция правовой реальности // *Неклассическая философия права: вопросы и ответы*. Харьков: Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». 2013. С. 31–61.
15. Малинова И.П. *Философия правотворчества*. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1996. 146 с.
16. Слободнюк С.Л. *Правовая реальность и кризис правосознания*. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 360 с.
17. Поляков А.В. *Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход*. СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 845 с.
18. Стовба О.В. *Правова ситуація як онтологічна основа правової реальності: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук*. Харьков, 2005. 18 с.
19. Честнов И.Л. *Правопонимание в эпоху постмодерна*. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. 272 с.
20. Шемшученко Ю.С. Актуальні проблеми філософії права // *Проблеми філософії права*. 2003. Т. 1. С. 7–9.
21. Скоробогатов А.В. Интегральный характер конституционного правопонимания на постсоветском пространстве // *Конституция – Основной Закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 марта 2014 г. / редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.); Белорусский государственный университет*. Минск : Право и экономика, 2014. С. 97–99.
22. Шкель Т. Ясно, с переменной облачностью. Владимир Плигин определил погоду в Думе // *Российская газета*. 2013. № 152 (6128). С. 2.
23. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // *Известия ИГЭА*. 2010. № 6. С. 164–168.
24. *Юридическая социология: учеб. пособие / В.А. Глазырин и др.* Екатеринбург: УрГЮА, 1999.
25. Скоробогатов А.В. Интегральный характер современного российского правопонимания // *Юридические исследования*. 2014. № 3. С. 1–11. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11127.
26. Нарышкин С.Е. Верховенство права и развитие России. К 20-летию Основного Закона и Парламента России // *Российская газета*. 2013. № 6230 (254). С. 1.

27. Медведев Д.А. 20 лет: путь к осознанию права // Российская газета. 2013. № 6255 (279). С. 1.
28. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2004. 652 с.
29. Прав? Да! Элла Памфилова не разделяет некоторых убеждений оппозиционеров, но против подавления инакомыслия. URL: <http://www.rg.ru/2014/10/20/pamfilova-dz.html> (дата обращения: 06.04.2015)
30. Долотов Р.О. Цена преступности как показатель общественной опасности преступности // Диалектика противодействия коррупции: мат-лы II всерос. науч.-практ. конф. Казань: «Познание», 2012. С. 63.
31. Иконникова Г.И., Лященко В.П. Основы философии права. М., 2007. 256 с.
32. Тимофеев А.В. Юридический опыт проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. Владимир, 2008. 25 с.
33. Бибихин В.В. Введение в философию права. М.: ИФ РАН, 2005. 345 с.
34. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА М, 2013. 320 с.
35. Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова, А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.
36. Краснов А.В. Содержание санкций норм права в контексте принципа уважения прав человека // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3. С. 164–169.
37. Ершов В.В. Право и неправое: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1 (81). С. 24–31.
38. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. СПб.: СПБИНВЭСЭП, 2004. С. 13–20.
39. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 264 с.

В редакцию материал поступил 19.02.15

© Скоробогатов А. В., Краснов А. В., 2015

Информация об авторах

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия; доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а, тел.: (843) 273-16-74

E-mail: field08@mail.ru

Как цитировать статью: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: константы и переменные // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 161–170.

A. V. SKOROBOGATOV,

Doctor of History, Associate Professor, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

A. V. KRASNOV,

PhD (Law), Associate Professor

Russian State University of Justice, Kazan, Russia

LEGAL REALITY OF RUSSIA: CONSTANTS AND VARIABLES

Objective: to develop the science-based knowledge about essential and substantial aspects of the current legal reality of Russia in the context of post-classical paradigm.

Methods: the methodological basis of this research is the synthesis of classical and post-classical paradigms that determine the choice of specific methods of research: formal-legal, comparative, legal modeling method, hermeneutic, discursive methods.

Results: basing on the post-classical methodology, it is proved that the legal reality of Russia consists of three levels: legislation, law enforcement, and legal behavior. The determinant level of legal reality is legal behavior that is aimed at observing the unwritten rules. The legal reality of Russia is characterized by a transgressive state of the modern Russian society, expressed in broad application of non-legislative (non-legal) practices, low level of legal culture, legal nihilism and legal infantilism.

Scientific novelty: the article for the first time analyzes the ontological and phenomenological essence of the legal reality in Russia and determines its transgressive nature at the present stage of development.

Practical value: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity when considering questions about the nature and content of legal development.

Key words: legal reality; post-classical paradigm; legal practice; legal ideal; unwritten rules; law; non-law; legal relations; social relations.

References

1. Schlag, P. The Aesthetics of American Law. *Harvard Law Review*, 2002, no. 115, pp. 1047–1116.
2. Cohn, G. *Existentialism and Legal Science*. N.-Y.: Occana publications inc., 1967, 148 p.
3. Kaufman, A. *Ontologische Struktur des Rechts*. Rechtsphilosophie im Wandel, 1972, pp. 104–134.
4. Kaufman, A. Preliminary Remarks on a Legal Logic and Ontology of Relations. *Law, Interpretation and Reality*, 1990, pp. 104–123.
5. Salter, M. Towards a Phenomenology of Legal Thinking. *Journal of the British Society for Phenomenology*, 1992, vol. 23, no. 2, pp. 167–182.
6. Hamrick, W.S. *An Existential Phenomenology of Law: Maurice Merleau-Ponty*, 1987, 246 p.
7. Fechner, E. *Rechtphilosophie*. Tübingen, 1956, 382 p.
8. Moore, M.S. Excerpts from Legal Reality. Associations. *Journal for Legal and Social Theory*, 2003, vol. 7, no. 1, pp. 145–157.
9. Calavita, K. *Invitation to Law and Society: An Introduction to the Study of Real Law*. Chicago: University of Chicago Press, 2010, 177 p.
10. Gordon, R.W. Unfreezing Legal Reality: Critical Approaches to Law. *Florida State University Law Review*, 1987, vol. 15, no. 2, pp. 137–151.
11. Bachinin, V.A. Nepravo (negativnoe pravo) kak kategoriya i sotsial'naya realiya (Non-law (negative law) as a category and social reality). *Gosudarstvo i pravo*, 2001, no. 5, pp. 14–20.
12. Ikonnikova, G.I., Lyashenko, V.P. *Osnovy filosofii prava* (Bases of the philosophy of law). Moscow: INFRA-M, Ves' mir, 2001, 256 p.
13. Maksimov, S.I. *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya* (Legal reality: experience of philosophic interpretation). Khar'kov: Pravo, 2002, 328 p.
14. Maksimov, S.I. Kontsepsiya pravovoi real'nosti (The conception of legal reality). *Neklassicheskaya filosofiya prava: voprosy i otvety*. Khar'kov: Biblioteka mezhdunarodnogo zhurnala «Problemy filosofii prava», 2013, pp. 31–61.
15. Malinova, I.P. *Filosofiya pravotvorchestva* (The philosophy of law making). Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 1996, 146 p.
16. Slobodnyuk, S.L. *Pravovaya real'nost' i krizis pravosoznaniya* (Legal reality and crisis of law conscience). Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012, 360 p.
17. Polyakov, A.V. *Obshchaya teoriya prava: fenomenologo-kommunikativnyi podkhod* (General theory of law: phenomenological-communicative approach). Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr press, 2003, 845 p.
18. Stovba, O.V. *Pravova situatsiya yak ontologichna osnova pravovoi real'nosti: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* (Legal situation as an ontological basis of legal reality: abstract of PhD (Law) thesis). Khar'kov, 2005, 18 p.
19. Chestnov, I.L. *Pravoponimanie v epokhu postmoderna* (Law interpretation in the postmodern epoch). Saint-Petersburg: IVESEP, Znanie, 2002, 272 p.
20. Shemshuchenko, Yu.S. Aktual'ni problemi filosofii prava (Topical issues of the philosophy of law). *Problemi filosofii prava*, 2003, vol. 1, pp. 7–9.
21. Skorobogatov, A.V. Integral'nyi kharakter konstitutsionnogo pravoponimaniya na postsovet'skom prostranstve (Integral character of constitutional law interpretation in the post-Soviet territory). *Konstitutsiya – Osnovnoi Zakon belorusskogo gosudarstva i obshchestva (k 20-letiyu prinyatiya): mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Minsk, 11–12 marta 2014 g. / redkol.: G.A. Vasilevich (otv. red.); Belorusskii gosudarstvennyi universitet. Minsk: Pravo i ekonomika, 2014, pp. 97–99.
22. Shkel', T. Yasno, s peremennoi oblachnost'yu. Vladimir Pligin opredelil pogodu v Dume (Fine weather, partly cloudy. Vladimir Pligin defined the weather in Duma). *Rossiiskaya gazeta*, 2013, no. 152 (6128), pp. 2.
23. Rozhkova, A.K. *Pravovaya real'nost' i pravovoi ideal: tochki soprikosnoveniya* (Legal reality and legal ideal: points of contact). *Izvestiya IGEA*, 2010, no. 6, pp. 164–168.
24. Glazyrin V.A. *Yuridicheskaya sotsiologiya: ucheb. posobie* (Juridical sociology: tutorial). Ekaterinburg: UrGYuA, 1999.
25. Skorobogatov, A.V. Integral'nyi kharakter sovremennogo rossiiskogo pravoponimaniya (Integral character of the modern Russian law interpretation). *Yuridicheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 1–11. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11127.
26. Naryshkin, S.E. Verkhovenstvo prava i razvitie Rossii. K 20-letiyu Osnovnogo Zakona i parlamenta Rossii (Supremacy of law and development of Russia. For the 20th anniversary of the Constitution and Parliament of Russia). *Rossiiskaya gazeta*, 2013, no. 6230 (254), pp. 1.
27. Medvedev, D.A. 20 let: put' k osoznaniyu prava (20 years: way to realizing the law). *Rossiiskaya gazeta*, 2013, no. 6255 (279), pp. 1.
28. Nersesyants, V.S. *Filosofiya prava* (Philosophy of law). Moscow: Norma, 2004, 652 p.
29. *Prav? Da! Ella Pamfilova ne razdelyaet nekotorykh ubezhdenii oppositsionerov, no protiv podavleniya inakomyслиya* (Right? Yes! Emma Pamfilova does not share some ideas of the oppositionists but is against suppressing the dissent), available at: <http://www.rg.ru/2014/10/20/pamfilova-dz.html> (accessed: 06.04.2015)

30. Dolotov, R.O. *Tsena prestupnosti kak pokazatel' obshchestvennoi opasnosti prestupnosti* (Cost of crime as an indicator of the public danger of crime). *Dialektika protivodeistviya korruptsii: mat-ly II vseros. nauch.-prakt. konf. Kazan': «Poznanie»*, 2012, pp. 63.
31. Ikonnikova, G.I., Lyashchenko V.P. *Osnovy filosofii prava* (Bases of the philosophy of law). Moscow, 2007, 256 p.
32. Timofeev, A.V. *Yuridicheskii opyt problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* (Juridical experience: issues of theory and practice: abstract of a PhD (Law) thesis). *Vladimirskii yuridicheskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii. Vladimir*, 2008, 25 p.
33. Bibikhin, V.V. *Vvedenie v filosofiyu prava* (Introduction to the philosophy of law). Moscow: IF RAN, 2005, 345 p.
34. Gadzhiev, G.A. *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deistvitel'nosti): monografiya* (Ontology of law: (critical research of the juridical concept of reality): monograph). Moscow: Norma: INFRA M, 2013, 320 p.
35. Van Khuk, M. *Pravo kak kommunikatsiya* (Law as communication). Saint-Petersburg: Izdatel'skii dom SPbGU, OOO «Universitetskii izdatel'skii konsortium», 2012, 288 p.
36. Krasnov, A.V. *Soderzhanie sanktsii norm prava v kontekste printsipa uvazheniya prav cheloveka* (Content of legal norms' sanctions in the context of the human rights observance). *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 164–169.
37. Ershov, V.V. *Pravo i nepravo: diskussionnye voprosy teorii i praktiki* (Law and non-law: disputable issues of theory and practice). *Rossiiskoe pravosudie*, 2013, no. 1 (81), pp. 24–31.
38. Chestnov, I.L. *Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava. Epistemologiya gosudarstva i prava* (Topical issues of the theory of state and law. Epistemology of state and law). Saint-Petersburg: SPbIVESEP, 2004, pp. 13–20.
39. Tarasov, N.N. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki* (Methodological issues of juridical science). Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2001, 264 p.

Received 19.02.15

Information about the authors

Skorobogatov Andrey Valeryevich, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law and Public-Law Discipline, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Krasnov Aleksandr Valeryevich, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory of state and law, Kazan branch of Russian State University of Justice; Associate Professor of the Chair of Theory of state and law and public-legal disciplines, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 7a 2nd Azinskaya Str., 420088, Kazan, tel.: (843) 273-16-74

E-mail: field08@mail.ru

For citation: Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Legal reality of Russia: constants and variables. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 2, pp. 161–170.

© Skorobogatov A. V., Krasnov A. V., 2015